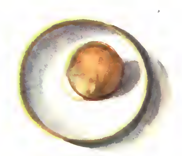

У Оли отлегло от сердца: как раз под этим лепестком и была злосчастная дырка, вырезанная Маняшей.

Маняша взглянула на подушку и уткнулась с виноватым видом маме в грудь.

Володя вздохнул. Подушка затмила все подарки.

Понравится ли маме его подарок? Он поставил на пол маленький светлый домик с круглым окошечком.

— Мамочка, этот скворечник я приделаю к вязу возле кухни. В нём поселятся скворцы и будут петь тебе песни. Они ведь скоро прилетят.

— Какая прелесть! — обрадовалась мама. — В детстве у меня перед окном был точно такой же скворечник. С тех пор я очень люблю скворцов. Спасибо, Володюшка!

Саша развернул лист белой бумаги и вынул дощечку. Нет, это когда-то была дощечка, а лобзик и пилка в руках Саши превратили её в тонкое кружево с красивыми зубцами и причудливо изогнутыми веточками и листьями.

— Это дощечка для резки хлеба, — сразу поняла мама. — Как раз мне её и не хватало. Но она такая красивая, что, право, жалко на ней резать хлеб. Я буду её очень беречь.

Наконец пришла очередь Ани. Она раскрыла свой Секрет. Тёплая байковая кофточка, жёлтая, как цыплячий пух, была отделана коричневым воротником и манжетами. Материю Аня купила на свой первый трудовой заработок. Сама скроила и сшила.

Мама примерила кофточку и не захотела её снимать. Уж очень она ей понравилась.

Где-то хлопнула дверь. Папа засмеялся:

— Это господин Секрет убежал. Ему теперь нечего здесь делать.

И сразу стало шумно и весело. Шестеро детей уселись за стол. Мария Александровна села у самовара, Илья Николаевич — на другом конце стола.

— А у меня тоже подарок — всем нам по случаю дня рождения нашей мамочки.

Папа вынул из конверта большую фотографию, на которой была снята вся семья.

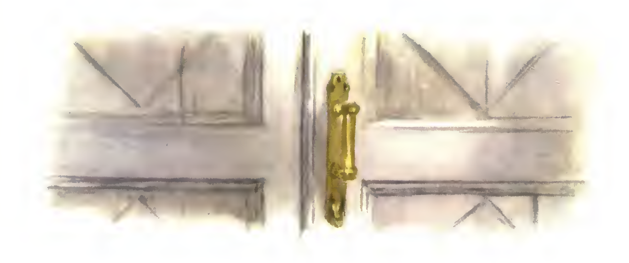
Дети вспомнили, как в зимний вьюжный день папа водил их всех фотографироваться, и как долго их там усаживали и не велели дышать и моргать, и как Маняша испугалась, когда фотограф накрылся чёрной пелёнкой.

И вот перед ними готовая фотография.

— Как хорошо, что у нас есть мама! — сказал папа. — Она заботится о всех нас и очень нас любит. Скажем ей спасибо за это. Мы тоже крепко любим её.

Старое кресло

В папином кабинете стоит большое кожаное кресло. Оно всегда холодное и неуютное. Даже в жаркий день на него неприятно садиться. Поэтому и сидишь в нём в наказанье. Чуть шевельнёшься — кресло сердито скрипит, словно тоже осуждает тебя.

Митя сидит в кресле, слушает, как тикает будильник. Раньше мама заводила в нём музыку, чтобы можно было знать, когда пройдут положенные минуты наказанья, и, как только зазвучит песенка „Во поле берёзонька стояла", можно было соскочить с кресла и идти играть. А сегодня мама будильник не завела. Просто сказала, что Митя должен сидеть в кресле тридцать минут, подумать о своём проступке и выучить урок из арифметики.

А Мите думать не хочется.

Мите хочется в столовую, где братья и сёстры масте-

рят сейчас ёлочные игрушки. Митя тоже мог бы оклеивать грецкие орехи золочёной бумажкой — фольгой, а вместо этого он сидит в чёрном кресле, и даже будильник ему не подскажет, когда можно сойти.

Сегодня на уроке арифметики учительница крутила на картонных часах жестяные стрелки и спрашивала, который час. Спросила и Митю. Он ответить не мог и получил двойку. А не ответил, потому что Красавка отелилась. Митя весь вечер просидел на кухне возле телёнка. Телёнок смешной: не успел родиться, как уже старался встать, а длинные слабые ноги расползались у него в разные стороны. Митя пригибал ладонью голову телёнка к миске с тёплым молоком и совал ему палец в рот. Телёнок принимался сосать молоко с пальца, а язык у него шершавый, щекочется. Нос у телёнка розовый, с тёмным круглым пятном между ноздрями, глаза большие и печальные. Наверно, ему было плохо без своей мамы. И Красавка жалобно мычала в хлеву, звала к себе своего маленького.

Мария Александровна сказала, что дети будут кормить телёнка по очереди и нечего всем сидеть вокруг него. Он только

что появился на свет, и ему надо хорошенько выспаться.

Все пошли учить уроки, а Митя украдкой пробрался на кухню и всё кормил телёнка. И сейчас ему не терпится посмотреть на новорождённого — научился ли он уже стоять на ногах? Но Митя должен сидеть в кресле и повторять урок из арифметики. А Мите не хочется.

Мама сказала, что сидеть в кресле он должен полчаса и что может сойти без четверти пять.

Полчаса — это тридцать минут Когда это будет — без четверти пять?

Митя сидит и думает.

Вокруг циферблата точки и чёрточки. Митя знает — между двумя точками одна минута, а между чёрточками — пять минут. Большая стрелка постоит, постоит, словно прицеливается, а потом раз — и перепрыгивает с одной чёрточки на другую, а маленькая толстая, кажется, вовсе не движется. Где же будет длинная минутная стрелка, когда наступит без четверти пять?

Скрипнула дверь, и в кабинет заглянула смешная мордочка Кота в большой шляпе с пером.

— Мяу!

— Володя, я знаю, что это ты. Пойди сюда, покажи мне, где будет большая стрелка, когда наступит без четверти пять.

— Мяу, милый мальчик, — мяучит Володя, — если я подскажу тебе, ты никогда не выучишь урока из арифметики. Соображай сам. Мяу! Мяу! — И Кот в сапогах исчез.

Митя вздохнул. Успеют ли теперь ему сделать маску зайчика? Он смотрит на часы, даже вспотел от напряжения, и кресло кажется ему горячим. Несколько раз он проверял себя, прежде чем убедился, в каком месте минутная стрелка подаст ему знак к свободе.

За стеной в столовой слышен громкий смех. Звонче всех смеётся Маняша... Мычит телёнок на кухне. Его, наверно, забыли покормить. А стрелки застыли на месте, и минутная стрелка совсем заленилась. Позвать маму? Сказать ей, что часы испортились? Митя смахивает слёзы с глаз, они мешают следить за часами. Митя считает. Осталось сидеть семь минут. Это уж точно. С проверкой решал.

Опять мычит телёнок. Сможет ли он потерпеть ещё семь... нет, только пять минут?

Нигде так медленно не ползёт время, как в этом кресле. День пробежит — не заметишь, а в кресле каждая минута тянется, тянется, и конца ей нет.

Но вот долговязой стрелке осталось перепрыгнуть с точки на чёрточку. И тогда будет без четверти пять. Но стрелка замерла. Митя отвёл глаза в сторону — может быть, он её загипнотизировал взглядом?

— Митя, который час? — раздаётся голос мамы в дверях кабинета.

Стрелка испуганно вздрогнула и перескочила на чёрточку против цифры „9“.

— Без четверти пять, мамочка. Полчаса прошли.

— Правильно, — сказала мама. — Ты подумал над своим уроком из арифметики?

— Нет, не успел, — смущённо признался Митя, — я всё время думал о том, когда можно будет встать с места.

— А который теперь час?

— Без тринадцати минут пять, — бойко ответил Митя, едва взглянув на часы.

— Ну, вот и отлично, — похвалила мама, — ты хорошо повторил урок из арифметики.

Из-за маминой спины выглядывали смешные маски: Кота в сапогах, Мишки Косолапого — это был Саша, Обезьянки — это, конечно Оля, из-под синего колпачка-колокольчика звенел смех Маняши.

Зимним вечером

Аня и Саша сражаются в шахматы.

Папа работает у себя в кабинете. А мама с младшими детьми готовится к увлекательной поездке.

В гостиной над роялем горит настенная лампа, оставляя большую часть комнаты в полумраке. Окна запушены изморозью. В печке весело потрескивают дрова.

Володя бегает из столовой в гостиную и обратно и не знает, на что ему решиться. Ему очень хочется сыграть с Сашей партию в шахматы и трудно устоять против соблазна прокатиться на тройке.

— Ну ладно, — соглашается он на просьбы младших, — только, чур, я буду кучером.

Мама, Оля и Митя сдвинули вместе четыре стула — это сани. Впереди Маняшин высокий стул — козлы. Широкое кресло с тремя зубцами на спинке отлично изображает тройку вороных.

Володя запрягает лошадей: накручивает верёвочки на зубцы кресла, подтягивает подпруги. Лошади застоялись, им не терпится пуститься в путь. Кучер сердито покрикивает на них.

Мама с Маняшей усаживаются на заднее сиденье, Оля и Митя — на переднее. Оля закуталась в тёплый платок, Митя повязал башлык, Маняша натянула на голову капор.

Путь предстоит дальний. Мороз лютый.

Кучер затягивает кушак, надевает тёплые рукавицы и спрашивает густым басом:

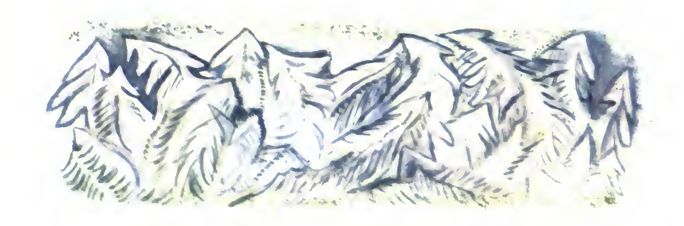
— Далеко ли ехать, сударыня?

— Сегодня мы поедем в страну Добра и Радости, — отвечает Мария Александровна. — Знаете ли вы туда дорогу?

Володя задумался.

— Знать-то знаю, только путь туда нелёгкий.

— Да, — подтверждает мама. — Опасная дорога

туда. Мы встретим много препятствий и опасностей. Ну, в добрый час!

— Но, милые, но, вороные! — покрикивает кучер, размахивая кнутом.

— Закутайтесь получше, дети, — говорит мама, — поднимается ветер.

Оля натянула на самые глаза платок, Митя потуже завязал концы башлыка, и Маняша закрыла уши капором.

— Смотрите, какие мохнатые ели стоят по обе стороны, они закутались в снег, как в вату, чтобы не замёрзнуть. А на пригорке ель совсем розовая — это её закатное солнце освещает. — Мама показывает рукой на окно, разрисованное инеем.

И не тёмная застеклённая веранда, а зимняя сказка возникает перед глазами детей.

— Смотрите, смотрите,—кричит Оля,—солнце совсем стало красное, на него смотреть можно!

— Быть непогоде, — басит кучер и подстёгивает лошадей.

Маняша таращит большие чёрные глаза — где это мама и Оля увидели солнце?

— Смотри-ка, Маняша, из-под ёлочки выпрыгнул зайчик... — Мама показывает в сторону фикуса.

— Не вижу, — простодушно отвечает Маняша.

— Ну, как же не видишь? — удивляется Митя. — Он на двух лапках сидит, передними мордочку моет.

— Он какой — серый или белый?

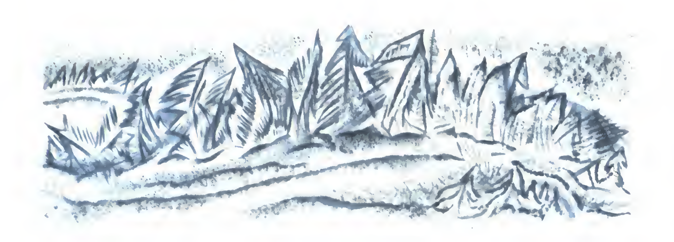
— Белый как снег, а ушки у него розоватые, — фантазирует Оля.

— Теперь вижу, — покорно соглашается Маняша, поглядывая на фикус, — только ушки у него зелёные.

— Но, милые, но, вороные! — покрикивает кучер и оглядывается на седоков. — Сейчас через огненную реку переезжать будем, только отважные могут перебраться через неё. Трусливые пусть заранее выходят.

Дети смотрят на маму. Митя с дрожью в голосе признаётся:

— Мамочка, вчера няня меня куриным пером пугала.

Такая страшная-престрашная тень ползла по стене, а я закрыл глаза и почти не испугался.

— Вот ты и стал смелее, — говорит мама, — сумеешь через огненную реку проехать.

Володя обернулся и, прищурив левый глаз, внимательно посмотрел на Олю.

— Может быть, барышне страшно, она не поедет дальше? Вон красный туман над рекой, сейчас мы ринемся в пламя.

— Я не страшусь, — гордо отвечает Оля.

Митя вобрал голову в плечи, закрыл лицо руками. Кучер погнал лошадей во весь опор, и вот уже вокруг ревёт пламя, спирает дыхание, огненные языки тянутся к лицу, рукам.

— Но, милые, не робейте, пошевеливайтесь! — Кучер разгоняет руками дым и пламя перед лицом, что есть силы стегает лошадей. — Ну, вот и перескочили огненную реку!

Все облегчённо вздыхают. Теперь Митя твёрдо знает, что ему нечего бояться тени какого-то куриного пера.

— Нам бы засветло проехать мимо башни Змея Горыныча, — беспокоится мама. — Он видит только ночью. У него один глаз и тот загорается, когда восходит луна.

— Кучер, миленький, мы проедем башню засветло? — спрашивает Оля.

— Приложим всё наше старание, — отвечает кучер и вдруг натягивает вожжи. — Тпру-у, тпру-у!

— Почему остановились? — беспокоятся седоки.

— Пристяжная распряглась. Вот подтяну хомут, почищу под дугой бубенчики, чтобы веселее звенели, и поедем дальше. — Володя подтянул верёвочки на крайнем зубце кресла. Вновь взобрался на козлы, погоняет лошадей.

— Вон сорока на сучке сидит, нас в гости приглашает, — подмечает Митя.

— Лисица её под деревом караулит, ишь, плутовка, как хвостом машет, — добавляет Оля, — ласково так машет, но ты, сорока, ей не верь...

— Я вижу, белочка на дерево карабкается, — придумывает уже и Маняша, — карабкается, как наша Оля.

— Живей, вороные, живей! Овса, что ли, не ели? Держитесь крепче, господа хорошие, сейчас под горку понесёмся! — кричит кучер.

